

Не успели они подняться на третий этаж, как за левой дверью послышались звуки виолончели. Играл явно новичок: фальшивил на каждом шагу, но, к счастью, виолончель — не скрипка, её глубокий тембр не резал слух, а потому мучения были вполне терпимыми.

Юань Чэ уже занёс руку, чтобы постучать, как снизу послышались тяжёлые шаги. На лестничной площадке показалась та самая старуха, что недавно во дворе жаловалась соседям. Со скомканным пакетом овощей в руках она одолела полпролёта, внезапно замерла и с растерянным видом вздохнула:

— Ох уж эта старая башка... Опять не туда припёрлась! И ведь время-то уже к четырём, скоро работяги домой повалят...

Юань Чэ кивнул Кэ Жаню, делая знак перехватить старушку. Тот на мгновение замешкался, а затем сделал шаг навстречу:

— Тётушка, вы на третьем живёте?

— А ты кто такой? Чего вынюхиваешь? — Старуха мгновенно насторожилась, окинув обоих подозрительным взглядом с ног до головы.

Кэ Жань смутился на секунду, полез в карман и выудил удостоверение:

— Мы из полиции. Хотели задать пару вопросов про ваших соседей с четвёртого этажа — Цюй Цзин и Суй Юйляна.

Бабка вытаращила глаза:

— Что, неужто за ум взялись? Наконец-то додумались прижать этого ирода за то, что бабу колотит?

Кэ Жань качнул головой:

— Семейными ссорами занимаются участковые, а мы из уголовного розыска. Так на каком этаже вы живёте?

— Я-то? На втором. Да совсем склероз замучил — задумалась и махнула лишний пролёт, теперь вот пилить обратно... Постой, а уголовный розыск — это вы по какому делу? Чего это наверху такой шум подняли? — Старуха вытянула шею, пытаясь заглянуть наверх. Не подводили бы ноги, она бы уже давно проскользнула на четвёртый — разузнать свежие сплетни.

Юань Чэ ухмыльнулся:

— Уголовный розыск занимается уголовными делами, тётушка.

— Не разбираюсь я в ваших делах, уголовных не уголовных! — махнула она рукой. — А только скажу: у них в семье добром бы всё равно не кончилось. Этот ирод опять что-то утворил, да? Загребите его уже в кутузку, пусть бедная баба с ребёнком хоть вздохнут свободно!

Воспользовавшись паузой, когда старуха переводила дыхание, Кэ Жань успел вставить:

— Значит, Суй Юйлян регулярно распускал руки?

— А то нет! — Всплеснула она руками, аж лицо перекосило от праведного гнева. — Я на втором этаже живу, и то слышно было, как бедняжка заходится в плаче. Ужас один, аж сердце кровью обливалось!

Не давая ей уйти в красочные подробности, Кэ Жань тут же спросил:

— Тётушка, когда вы в последний раз видели Суй Юйляна и Цюй Цзин?

Старушка склонила голову набок, усиленно морща лоб:

— Мужика-то его давно не видать... А вот бабу её на днях встречала.

— Помните, в какой именно день?

— Да откуда ж мне помнить? Память-то ни к чёрту.

— А вчера вы Цюй Цзин видели?

— Вчера погода была — собаку не выгонишь, я весь день безвылазно дома просидела.

— Вчера днём, часа в четыре или шесть вечера, вы не слышали ничего странного?

— Да в такой ураган разве что догадаешься! За окном свистело да завывало, страсть. А, вот ещё что! Какой-то зараза-пакостник перевернул мои баулы в подъезде! Я ж их столько времени копила, с таким трудом наверх таскала — думала, подожду, пока цены на вторсырьё поднимутся, да и сдам...

Юань Чэ сразу вспомнил гору чёрных мешков, загромождавших пролёт на втором этаже.

— Перевернул? Что именно произошло?

— Да всё, что в мешках лежало, вытряхнули наружу! Вся дрянь по лестнице раскатилась. Кабы сосед не постучал, я б и не ведала: глуховата стала, ничего не слышу. Вот скажи, какому ироду помешали мои бутылки да банки?

Юань Чэ переглянулся с Кэ Жанем. Тот уточняющим тоном спросил:

— А во что именно вы собирали эти пластиковые бутылки?

— Как во что? В пакеты! В такие большие, чёрные, в каких дворники мусор таскают. Я у нашего дворника выпросила, он парень добрый, отсыпал мне целую пачку. За эти бутылки, между прочим, хорошую копейку выручить можно! Кабы пенсия нормальная была, я б, может, в путешествие съездила... А то сын вечно бубнит, мол, потеряешься. Нашла малолетку, потеряюсь я!

Юань Чэ вовремя пресёк словоохотливость старушки:

— Это вчера произошло?

— Вчера?.. Вроде вчера, а может, и ране. Да какая разница! Перевернули — и точка, кто ж упомнит?

— А к этой семье кто-нибудь в гости приходил?

— Не-а, отродясь никого не видела.

— А с соседями они как ладили?

— Мать с мальчонкой — нормальные, встретишь — поздороваются. А вот мужик ихний... Нос задерёт выше крыши! Сроду ни с кем не заговорит. Вымахал симпатичный, вот и возомнил о себе неизвестно что, на людей как на грязь смотрит, — старуха понизила голос до таинственного шёпота: — Я так думаю, завёл он бабу на стороне! А иначе с чего бы? Жена-то у него — загляденье, а он её за человека не считает, чуть что — кулаки распускает.

— Вы сами видели, как он с кем-то встречался?

— Ну, этого не видала, — старуха махнула рукой. — А кто ж любовниц домой притащит? Всё тайком делают, в том-то и самый цимус. Как там говорят? «Жена не мила, любовница мила, а чужая — слаще всего». Все мужики одинаковые. Мой дед, пока жив был, вроде тихий, а на молоденьких красоток всё равно заглядывался. Ладно, заболталась я с вами, пора внуку обед готовить.

— Спасибо вам, тётушка.

Старуха будто и не услышала — кряхтя и дёргаясь на каждом шагу, она медленно поплелась вниз по лестнице, мурлыкая что-то себе под нос.

Юань Чэ снова поднял руку и постучал в левую дверь на третьем этаже. Дверь чуть приоткрылась, скрипнув на цепи. Звук виолончели за ней резко оборвался, и тут же раздался истеричный женский вопль:

— Я кому разрешала останавливаться?! Пили дальше!

Ребёнок что-то тихо и обиженно пробурчал в ответ, и неумелые смычковые па снова возобновились.

В щели показалась хозяйка — женщина лет сорока. Окинув двух незнакомых мужчин тяжёлым, подозрительным взглядом, она встала в проёме, не намереваясь впускать их:

— Вы ещё кто такие?

Юань Чэ промолчал, переведя взгляд на Кэ Жаня. Тот слегка покраснел, достал из кармана корочку и произнёс:

— Здравствуйте. Мы из полиции, хотели расспросить вас о соседях сверху.

— Ничего мы не знаем. Спрашивайте у кого-нибудь другого, — отрезала женщина и с грохотом захлопнула дверь, крутанув засов.

Кэ Жань с зажатым в руке удостоверением так и остался стоять перед закрытой дверью. К подобному отвороту-повороту он явно не был готов.

Глядя на растерянного новичка, хлопающего глазами, Юань Чэ не удержался от смешка:

— Что, думал, раз корочка в руках, так перед тобой все двери распахиваться будут? Нас таких «гостей» половина дома даром видеть не хочет. Привыкай, в нашей работе это обычное дело.

— Может... она решила, что мы мошенники? — попытался оправдать женщину Кэ Жань. Он непроизвольно тронул свою щеку, затем перевёл взгляд на небритую физиономию Юань Чэ — и, кажется, осенённый догадкой, тут же уткнулся взглядом в потолок, пытаясь скрыть нахлынувшие мысли.

Его начальник с этой своей трёхдневной щетиной и мятым видом действительно мало походил на доблестного стража порядка.

Юань Чэ провёл рукой по подбородку, скребя жёсткую щетину, и мысленно пожурил себя за то, что с утра не привёл себя в порядок:

— Я что, реально на бандита похож?

Кэ Жань лишь выдавил из себя неловкую ухмылку и смахнул капельку пота с виска.

Глядя на этого хрупкого на вид парня, Юань Чэ не захотел сбивать с него спесь. В своё время, когда он сам начинал в уголовном розыске, тех «шишек» и оплеух, что он нахватался от гражданских, хватило бы на целый пир из сотни блюд. Старший наставник — ныне начальник отдела — тогда прямым текстом заявил ему: «Народный полицейский существует для того, чтобы служить народу, понял? Выбили зуб — утрись и глотай молча». Лишь годы спустя Юань Чэ научился и служить верой и правдой, и зубы целыми сохранять.

Опросив ещё двоих соседей этажом ниже, они не добились ничего дельного. Те в один голос твердили, будто из-за грозы и урагана ничего не слышали — словно разом оглохли. Похоже, единственным неглухим человеком во всём подъезде оказалась та взбалмошная старуха. Впрочем, сколько в её словах было правды, а сколько склерозных фантазий — ещё предстояло разобраться.

Когда они выбрались на улицу, часы показывали уже пять вечера. Эксперты из отдела криминалистической экспертизы к тому моменту закончили работу и уехали. На улице наконец проглянуло вечернее солнце; воздух, пропитанный влагой и запахом сырой земли, приятно освежал, сбивая дневную летнюю духоту.

Юань Чэ осмотрелся. Узкие проезды между обшарпанными домами были настолько тесными, что здесь едва проехала бы грузовая трёхколёска. До их служебной машины оставалось шагов пятьдесят. С другой стороны переулка виднелся полуразрушенный квартал, предназначенный под снос: там суетились рабочие, а самосвалы ходили в объезд. Дальше проход упирался в глухой тупик.

Представляя, как выносили Цюй Цзин, Юань Чэ задумчиво проговорил:

— Если запихать человека в мешок, очертания тела всё равно никуда не деть. Не мог же преступник тащить её на заливке через весь район. У него явно было средство передвижения. Но главное — как он пропёр её от подъезда до машины, и никто ничего не заметил?

Кэ Жань опустил взгляд на раскисшую от ливня грязь, испещрённую мешаниной следов:

— Похоже, именно поэтому он и выбрал штормовой день. В такую погоду редкие прохожие спешат укрыться от дождя, им не до того, чтобы разглядывать, что за ношу тащит незнакомец. К тому же ливень моментально смывает все улики.

Юань Чэ направился к выходу из переулочка, поглядывая по сторонам:

— Так что преступник, скорей всего, мужчина. Покойная весила никак не меньше сорока пяти килограммов — женщине утащить такой груз на себе было бы крайне непросто.

— Сейчас полно любителей фитнеса и качалок, — возразил Кэ Жань. — Если женщина тренированная, стащить сорок пять кило ей вполне по силам.

— А у тебя фантазия работает, — хмыкнул Юань Чэ. — Кстати, о бабушкиных мешках. Как думаешь, не те ли это самые чёрные пакеты, в которые упаковали Цюй Цзинь?

— Если те, то зачем убийце рисковать и потрошить бабушкины запасы прямо в подъезде? Это же лишнее привлечение внимания.

— Если только он не был железно уверен, что его никто не засечёт.

Преступник и впрямь демонстрировал поразительную хладнокровность — словно играл с ними в кошки-мышки. За годы службы в уголовном розыске Юань Чэ раскрыл не один десяток дел. Не будь он хорошим сыщиком, стал бы начальник бюро Ху терпеть его дерзость и наплевательское отношение к субординации? Обычно на месте преступления всегда удавалось зацепиться хоть за какую-то ниточку, а дальше — дело техники. С гастролёрами бывало посложнее, но если улика вела к местному, Юань Чэ всегда доводил расследование до конца.

Однако сейчас, несмотря на наличие зацепок, картина оставалась туманной. Слишком уж явными казались некоторые следы — будто их подбросили нарочно. Непривычный азарт, смешанный с лёгким адреналиновым мандражом, подтачивал самообладание. Юань Чэ почувствовал, как внутри закипает охотничий азарт. Впрочем, делиться этим с Кэ Жанем он не стал — что с него взять, зелёный ещё.

Потянувшись до хруста в суставах, Юань Чэ пошагал к припаркованной машине:

— Ладно, погнали в управление. Посмотрим, что накопили остальные.

Перед тем как сесть в салон, он ещё раз окинул взглядом окрестности, окончательно убеждаясь, что уличных камер наблюдения здесь нет и в помине.

Машина тронулась. В салоне повисла неловкая тишина. Юань Чэ покосился на пассажирское сиденье.

После целого дня беготни влажные от пота волосы Кэ Жана прилипли к лбу, а щёки розовели от жары. И ведь в такой зной парень упорно держал рубашку застёгнутой на все пуговицы — вплоть до самой верхней, у самого горла! Он сидел выпрямившись, словно аршин проглотил, уставившись прямо перед собой и чинно сложив руки на коленях. Поза, казалось бы,

естественная, но от неё так и веяло зажатостью.

Несмотря на работающий кондиционер, Юань Чэ задрал рукав футболки до самого плеча и смахнул испарину со лба.

На красном сигнале светофора Юань Чэ не выдержал и задал вопрос, который мучил его с самого утра:

— Тебе в этой упряжке не жарко?

Кэ Жань мельком взглянул на него и тут же снова уткнулся взглядом в бампер передней машины:

— Да нет, нормально... Я привык.

— Привык? Только не говори, что ты и дома так ходишь.

Летом сам Юань Чэ предпочитал разгуливать по квартире в одних трусах, скидывая всё лишнее.

— Ну... да, примерно так.

Юань Чэ уставился на него с нескрываемым изумлением. Это насколько же надо быть мазохистом?

— С утра до ночи в застёгнутой наглухо сорочке? Ты сам-то от этого не мучаешься?

Кэ Жань лишь сдержанно улыбнулся:

— Привычка.

— Любопытно даже, где вырабатывают такие железные привычки.

Кэ Жань задумался, погрузившись в воспоминания, и спустя некоторое время тихо ответил:

— Сам не помню. Кажется, сколько себя помню, всегда так было.

Он случайно коснулся взглядом обнажённого бицепса Юань Чэ, блестевшего от пота, и его накачанных икр, видневшихся из-под шорт. Смутившись, Кэ Жань мгновенно отвёл глаза назад к дороге.

— Ну ты даёшь! Моё уважение, — хмыкнул Юань Чэ. Вовремя сдержав желание устроить допрос с пристрастием (не хватало ещё перед новичком выглядеть назойливой кумушкой), он перевёл тему: — Кстати, откуда ты взял, что Цюй Цзин по ночам ходила на цыпочках?

Кэ Жань опустил ресницы, забежав глазами:

— Суй Юйфэн ведь упомянула, что Цюй Цзин тщательно скрывала свою профессию, боялась, как бы на маленького Суй Синя не начали указывать пальцем. Вот я и подумал: возвращаясь за полночь, она старалась ступать как можно тише, чтобы не привлекать внимания соседей. Когда мы подходили к её квартире, я заметил, что у большинства дверей на площадке петли скрипят, а у Цюй Цзин входная дверь смазана и открывается почти бесшумно. Так что шум она точно старалась не поднимать.

— Допустим. А как быть с заявлением того типа? Насчёт откровенных нарядов? Это как понимать?

— Меня это тоже смутило, — признался Кэ Жань. — Тайна, которую она так бережно хранила, вдруг всплыла наружу самым нелепым образом. Если тот мужчина был не единственным свидетелем, весь дом уже в курсе, чем она зарабатывала на жизнь.

— Не факт. В таких многоэтажках соседи годами живут и знать не знают, кто за стеной. Дело даже не в том, что секрет раскрылся. Главное — если позапрошлой ночью она действительно была жива и невредима, значит, с Суй Юйфэн связывалась сама Цюй Цзин. Тогда окно похищения сужается: с полуночи до момента убийства. Но вот неувязка: если бы её усыпили днём, прямо в квартире, поднялся бы шум. Судя по обстановке, борьба там была — соседи сверху и снизу не могли этого не услышать.

— И всё это строится на допущении, будто похититель забрал телефон, чтобы пустить нас по ложному следу и убедить, что её выкрали не двадцать четвёртого, — заметил Кэ Жань. — А если её и впрямь умыкнули именно двадцать четвёртого? Зачем тогда забрали мобильник?

— Может, дело в её тайном любовнике?

— Зависит от того, кто этот ухажёр. Обладал ли он такой властью, чтобы из-за него шло убийство? Или, может, сам убийца как-то связан с этим любовником?

— Хочешь сказать, Цюй Цзин устранили потому, что сама её жизнь представляла угрозу? Для её тайного покровителя или для самого убийцы?

— Именно. Выйдем на любовника — найдём и убийцу.

Юань Чэ кивнул. Под таким углом они на дело ещё не смотрели. Стоило заговорить про расследование, как вся зажатость Кэ Жана куда-то улетучивалась — глаза новичка загорались

живым, искренним азартом.

«А ведь Лао Го был прав, — подумал Юань Чэ с невольным теплом. — Кажется, мне и впрямь достался настоящий самородок».

<http://bllate.org/book/20479/2122237>